

ДИАЛОГИ-Я

СЛОВА И СМЫСЛЫ

Мы задержались на одной из страниц.

— Постой, ты взял меня за руку. — Здесь написано про меня... Здесь написано, о том, как я стал другим.

Я обернулась, пытаюсь найти нужную строчку. В глазах рябило — мы исходили сегодня слишком много слов, и отпечатки наших мыслей ложились на них, видоизменяя первоначальные смыслы. Именно это и остановило мои поиски:

— Какие смыслы останутся нам? — вопрошал ты посреди дороги. Вопросительный знак в твоих руках, был настолько огромным, что заслонял всё. Но я всё же попыталась рассмотреть тебя за ним: мне казалось, если я смогу обнаружить тебя, я так же легко смогу обнаружить ответ, который скрывался за вопросом. Он был совсем коротким — максимум одно предложение, а то и фраза. Но я не могла ответить тебе до тех пор, пока ты стоял вот так, с огромным вопросом в руках, растерянно и бессмысленно.

Я хотела тебе сказать: да отодвинь ты свой вопрос в сторону, подойди ко мне — и я смогу рассмотреть тебя настолько, чтобы ответить. Я смогу увидеть смыслы, о которых ты так настойчиво вопрошаешь. Я смогу поделиться с тобой увиденным и вознаградить твоё любопытство, которое давно перестало быть любопытством, превратившись в ношу, которую ты почему-то обязался нести. Обязался самому себе, а не кому-то, кто нуждался в твоей усталости. Ноша скрывала твоё выражение лица, твой силуэт, твоё предназначение, делала непроницаемым для моего взгляда, а значит, и для ответа, который ты ждал с таким нетерпением. Ноша делала тебя невидимым, так что мне начинало казаться, что там, за вопросом, нет ничего и никого. Никакого смысла.

В такие минуты я отворачивалась. Мой взгляд падал на соседние строки, которые виделись более интересными. Вот — смысл, и вот, и вот. Я быстро увлекалась, я впитывала каждую букву, смакуя её форму и цвет, её звук и способность сочетаться с другими. Глаза уставали. Шаги замедлялись. Как правило, я выбирала для отдыха белую страницу. Она содер-

жала множество преимуществ: на ней можно было играть в крестики-нолики, чертить прямые и кривые линии, рисовать карандашом и кистью, изобретать неологизмы...

Я снова остановилась: это твоя тень накрыла белизну, лишая меня свободного пространства. Я вспомнила, что оставила тебя наедине с твоим вопросом, а это было опасно: за время, проведенное вместе, вы успели слиться в единое целое, и это целое бросало жирную тень на мою хрупкую страницу. Она могла не выдержать: порваться, испачкаться, лишиться вдохновения. Я готова была закричать: оставьте меня в покое, ты и твой вопрос, дайте мне творить новую жизнь по образу и подобию моему, а не вашему, не заслоняйте свет, который необходим для моих глаз, не затемняйте белизну, необходимую для свежих смыслов.

Опять эти смыслы... Ладно, всё равно от них никуда не уйти. В конце концов, они были и моими, если мы оба попали в одну и ту же книгу, если мы пробежали, прошли, прожили одни и те же страницы, если мы оказались на соседних строках стоящими друг напротив друга... Даже если один из нас не давал спокойно прочитать эту книгу другому, и всё время маячил перед глазами со своим проклятым вопросом: какие смыслы? — Какие? Да никаких! Смотри на меня, радуйся жизни, говори обо всём, что у тебя рождается и умирает, кушай со мной сладкий десерт, води в кино, слушай проникновенную музыку, читай непрожитые книги, в избытке напищанные смыслами...

Выбирай их. Выбирай лучшие, самые изысканные, становись гурманом, а ещё лучше гуру-маном, прощай другим их невежество, не брезгуй делиться с ними лучшим, не обижайся навстречу недоразвитым вкусам, радуйся превосходящим тебя, люби и тех и других одинаковой любовью, обнимай на улице первого встречного и оставь в покое, я тебя прошу настоятельно: оставь в покое свой чертов вопрос, неужели на свете не существует ничего другого?...

— Эй, ты меня слышишь? Ты где?

Ну вот, я тебя обидела. Я применила силу: я форсировала голос, я листала страницы слишком быстро, я не дала тебе прожить их в привычном ритме, и ты бежал за мной, задыхаясь, я лишила тебя права на собственное время и пространство, я совершила преступление по отношению к твоему вопро-

су, пытаясь уничтожить его слишком рано, когда вы ещё были единым целым, а значит, я уничтожила тебя. С кем теперь я буду бродить по страницам и делиться увиденным? За это время я уже привыкла читать их с двух сторон: пока ты читаешь первую, я читаю вторую, пока ты читаешь третью, я читаю четвертую. Если ничего интересного не попадается, мы молчим. Если мы встречаем пару забавных выражений, мы записываем их, а потом высылаем друг другу по почте — в розовых и голубых конвертах, с маленькими аккуратными бантиками. Ах, как мне нравились эти бантики, они напоминали детство, сладкие подарки бабушки, розовые мечты о мороженом. Знаешь, я с тобой иногда — настоящий ребенок, ты даже можешь подергать меня за косички, показать язык, поиграть в соловьи-разбойники... я всё детство играла с мальчиками. Предпочитала быть разбойником: соловьям всегда больше достается, а разбойникам — хоть бы хны. Чудесная игра, исключая всякий мыслительный процесс...Ну, где же ты? Я хочу играть! Мне надоело быть серьезной. Здесь такие смешные каракули — у этого издателя странная привычка демонстрировать отвратительный почерк автора, все эти копии... я ничего не могу разобрать без тебя. Эй, помоги мне, пожалуйста, хватит дуться, вернись скорее, можешь даже притащить свой дурацкий вопрос, я не обижусь, наоборот, отдохну в его тени, ты слышишь? Я обожаю превращать вопросы в деревья, большие зеленые деревья с сочными плодами, я знаю, что их нельзя кушать — как только я выросла, мне дали прочитать об этом толстую книгу, я не любила толстых книг — и не дочитала до конца. Но эту историю про плоды я хорошо запомнила, может быть, поэтому я больше всего на свете люблю плоды — красные, желтые, лиловые, зеленые, у них такой замечательный сок, он течет по губам, по ладоням, хочешь попробовать с моих губ их сладость? Отвечай срочно, иначе у меня никогда не получится посадить это дерево. Оно слишком большое для меня, хотя, можно ограничиться и маленьким, таким себе маленьким вопросиком, производным от твоего — большого. Если ты, конечно, поделишься со мной. А если не поделишься, я сама возьму. Без спроса: мне надоело тебя уговаривать. Наверняка, ты застрял где-то на бездарной строке и даже не слышишь меня, погруженный в чужие банальные мысли. Всё. Пошла сеять.

Я стояла на обочине — почти на краю страницы. Я зарывала талант в землю.

— Что ты делаешь? — ты всегда появлялся, когда было уже поздно.

— Ты что не видишь? Сажаю семя.

— Зачем?

— Чтобы оно проросло и дало всходы.

— А точнее?

— Ну-у, выросло в какой-нибудь архетип: например, древо жизни.

— Таковое уже существует.

— Значит, будет альтернативное.

— Ты что, хочешь переплюнуть Творца?

— Ничего я не хочу. Просто, пока я тебя ждала, я поняла, что если в землю зароется ещё один талант, на земле, по большому счету, ничего не изменится.

— Нет, изменится.

— Нет, не изменится, потому что она тут же произведет новый. Если, конечно, в нём будет надобность.

— А в тебе, значит, нет никакой надобности?

— Никакой.

— Кто тебе это сказал?

— Твое молчание. Я звала тебя сотни строк, а ты не откликался.

— Но это была единственная ночь, когда я захлопнул книгу. Все остальные я читал.

— Но ночь, в которую ты сможешь меня спасти, тоже будет единственной!

— Спасти? Ты сказала — спасти?

— Ты что, разучился слышать? Обчитался моими рассказами?

— А что в этом плохого?

— А то, что ты скоро перестанешь различать реального человека и персонажа!

— А ты? Я видел, как ты открыла в компьютере новую папку, которую наградила моими инициалами!

— А вот подсматривать нехорошо.

— А я и не подсматривал: ты сама мне позволила развлекаться с твоим компьютером во время твоего отсутствия и общаться с твоими персонажами, то есть — с тобой.

— Это что-то новенькое!

— А разве ты и твои персонажи не одно и то же?

— Ладно, пусть будет так. Но с маленькой поправкой — моим персонажам не нужна помощь. Я даю им жизнь, а дальше они живут, как им заблагорассудится.

— А тебе кто мешает жить по образу и подобию своих персонажей?

— Ты! Со своим идиотским вопросом.

— Каким вопросом?

— Какие смыслы останутся нам — это кто спрашивал?

— Кто?

— Ты!

— Не помню.

— Не помнишь?!

— Честное слово.

— Верю.

— А что ты мне тогда ответила, кстати?

— Да ничего не ответила — в том-то и дело.

— И теперь тебя это мучает.

— Не то, чтобы мучает, но некий незавершенный гештальт...

— Забудь.

— Что?

— Все твои заумные словечки забудь. А заодно и мой вопрос. Я уже на него ответил.

— А-а... Вот почему я тебя так чётко вижу.

— А раньше не видела?

— Видела. Когда ты надевал очки.

— Очень смешно — смеяться над слепым.

— Прости. Но ведь ты мне сказал, что прозрел и больше не носишь очков.

— Я?

— Нет, это возмутительно! Я торчу здесь с того самого момента, как ты объявил о своём преображении, жду тебя, зову, мучаюсь проклятыми вопросами русской интеллигенции, а ты даже не помнишь, с чего начинался этот рассказ!

— Прости, пожалуйста, но с тех пор прошло столько времени. И оно проходило как-то особенно... нелинейно: оно было одновременно настоящим, прошедшим и будущим, оно

струилось и останавливалось, оно забывалось и всплывало в памяти, было облачным и солнечным, сладким и горьким. Оно смешало в одно целое все события, все наши книжные путешествия и ненаписанные откровения. И теперь я совсем не могу поделить его на части — оно не поддается дроблению, дуальному и дискретному мышлению, теоретизированию и смакованию. Оно больше не подвластно мне: я вошел в него и тут же потерял из виду, я погрузился в него и утратил границы реальности. Передо мной простирается вечность!

— Э-э, да ты далеко ушел, пока я тут возилась с твоим вопросиком.

— К тому же, я успел заглянуть в другие книги...

— Без меня?!

— Но ты же сама хотела, чтобы я научился читать без тебя.

— Это правда: что посеешь — то и пожнешь.

— Но я могу кое-чем с тобой поделиться... Хочешь?

— Ещё бы!

— Видишь эту тоненькую книжицу в полинявшей обложке?

— Да ей больше сотни лет!

— Совершенно верно. И в ней есть кое-что для тебя...

Войдем?

— Открывай!

ШАГИ НА МИННОМ ПОЛЕ

— А чего бы тебе хотелось? — задаю я классический вопрос психотерапевта.

— Знаешь, — ты уходишь в сторону, — такие люди, как мы, не могут дать больше, чем имеют. В этом мире, где вокруг — сплошная суета... — ты осекаешься в страхе показаться банальным.

— Но я всего лишь хотела подержать тебя за руку...

— Да как же ты не поймешь? Ты привыкла не просто держаться за руку, а не выпускать руку того, кто будет тебя лелеять и поливать, как цветок...

— А может быть, я согласна на некоторое время переквалифицироваться в кактус, который редко поливают?

— Некоторое время — это сколько?

— Пока хватит сил... Пока можно держать дверь открытой... И она не будет скрипеть...

— Но я так занят, что дверь для меня — это слишком! Пойми, у меня совсем нет времени — только маленькая форточка, в которую я могу...

— Хорошо, — отвечаю покорно. — Я буду общаться с тобой через форточку, открывая её вместо дверей, если тебе этого, конечно, достаточно. Будешь пролазить в неё, прячась от всего света, когда захочешь...

— А чего ты ждёшь от меня взамен? — ты напрягаешься навстречу моей невозмутимости.

— Ничего! — с тем же энтузиазмом восклицаю я. — Встречайся со мной раз в неделю, пей вино, занимайся сексом...

В твоих глазах загораются огоньки и тут же тухнут:

— Не может быть: здесь какая-то мина. Так не бывает: чтобы женщина соглашалась абсолютно на всё. Особенно такая, как ты.

— Конечно, не бывает! — Радостно восклицаю я. — Но сегодня я предлагаю тебе роль женщины, которая выбирает.

— Сегодня... произносишь ты задумчиво. — А если завтра ветер переменится?

— Всё может быть. Но свобода выбора предполагает момент дуновения. И полное отсутствие обязательств — как раз то, что тебе сейчас нужно!

— Откуда ты знаешь, что мне нужно?

Ах, этот вечный дух противоречия, вносящий здоровый образ диалектики во всё, что балансирует на языке на грани равновесия...

— Понимаешь, — отступаешь ты на шаг, — отношениям нужно посвящать всю жизнь, а я — по горло в своих обязательствах.

— Тогда ты можешь относиться ко мне, как к картине, — делаю я второй шаг навстречу и остаюсь на территории минного поля, демонстрируя твою полную безопасность.

— Правда? А мне как раз нужна модель! — ты переводишь разговор на практические рельсы.

— Послушай, я имела в виду... ты же вкладываешь в свои картины любовь и труд...

— А-а... лелеять и поливать? — вздыхаешь ты скорбно и отступаешь ещё на шаг.

— Не волнуйся, — отвечаю змеино, — я больше никогда не подарю тебе дерево из твоего Сада, которое ты отдашь в чьи-то заботливые руки.

— Это было временным решением, — защищаешься ты. — Когда-нибудь я позволю себе эту роскошь в своем доме. Как и свои картины... А пока я вынужден их продавать. Понимаешь, мне нужно много писать, чтобы выпутаться из долгов... А дерево я отдал в надежные руки.

— Хорошо, я буду твоей моделью, — отвечаю великодушно. — Только пусть морозы пройдут. А то в твоей мастерской так холодно, что хочется завернуться с головой в одеяло. Даже портрета не получится, а ню — тем более... Вообще-то, я могу быть кем угодно. Сегодня, например, мужчиной и как истинный джентельмен, предлагаю тебе три варианта, как в сказке: направо пойдешь — модель найдешь, налево пойдешь — понятно, кого найдешь, а прямо пойдешь...

В твоих глазах появляется испуг. Мне нужно с ним что-то делать. Но с видом опытного минера ты уже пробуешь почву под ногами: одновременно идешь направо, налево и прямо:

— А выбирать обязательно? — ты готов превратиться в жадную старушку у разбитого корыта, которая хочет сразу всего.

— Обязательно! — я примеряю голос золотой рыбки из пушкинской сказки, уставшей от капризов.

Ты застываешь на мгновение, обдумывая пожелание:

— Что-то я не очень верю в твою способность быть всем. На самом деле, с тобой должно быть очень тяжело — каждый раз можно оступиться и взлететь в воздух.

Реагируя на реплику, я мгновенно превращаюсь в джина из бутылки, который может в любую минуту раствориться в воздухе, так и не исполнив просьбы.

— Вообще-то, я ожидал другого, — ты делаешь ещё один шаг назад. — Я думал, ты мне скажешь: да пошел ты!...

— Чтобы всё закончилось? Похоже, тебе не терпится избавиться от меня.

— Послушай, — ты становишься всё мужественней. — Я сейчас на войне. Ты действительно можешь сказать мне: уходи — и я уйду.

— Ты и сам можешь сказать себе то же самое. Для этого не обязательно прибегать к моей помощи...

— Сам не могу. Это выше моих сил. Меня тянет к тебе — и я ничего не могу с этим поделать, — ты нерешительно останавливаешься.

— Проходи, проходи, — я вхожу в роль гостеприимной хозяйки. — Сегодня я могу быть твоей — любовницей. Я тоже на войне, правда, литературной: *Бросившая вызов женщина! Я — поле твоего сражения...*

Стихи, это я, конечно, напрасно. Всё равно как перейти к тяжёлой артиллерии. Ты мгновенно скатываешься куда-то вниз по выдуманной вертикали, на вершине которой оказываюсь я.

— Ты, наверное, смотришь на меня, как на животное, — рычишь виновато, задирая голову, чтобы рассмотреть мою надуманную высоту. — Может, сходим в зоопарк? — продолжаешь зоотему.

— Может и сходим, — я снова змеюсь, чтобы хоть как-то сползти к тебе по невидимому шесту.

Но тебя почему-то не радует моя уступчивость. Ты печально закатываешь глаза:

— Боже мой, тебя нужно водить в зоопарк, театр, хорошо себя вести, не пить и не говорить лишнего... Я не выдержу, — подытоживаешь ты мрачно.

— Это я не выдержу! — впервые срываюсь.

— Но это же ты строишь отношения! — Ты перелагаешь всю ответственность на мои хрупкие плечи.

— Я? — восклицаю, делая круглые глаза, в желании вернуть тебе всё обратно. — Да если бы ты, любитель высокой поэзии, не создал меня в своей реальности, устраивая поэтические вечера и называя первую встречную поэтессу божественной...

— А ты так и поверила?

— Конечно. Я предпочитаю верить красивым словам. Мне это доставляет удовольствие. К тому же, в моей реальности все слова материальны.

— Ну, если всё дело в словах, давай быть точными. Итак, подытожим: я развёлся, в долгах и не готов к серьёзным отношениям.

— Это я развелась, у меня нет средств и я не готова попадать в новое рабство. А ты отражаешь мою неготовность. Поэтому нам нужно преодолевать одинаковое расстояние, чтобы добраться друг до друга.

— А что я могу сделать в нашем безнадежном случае? — в твою интонацию закрадываются нотки растерянности.

— А ты уверен, что нужно что-то делать?

— Послушай, я чего-то не понимаю, в твоих словах — не то удивление, не то обида, — ты что, не связываешь со мной никаких серьезных планов?

— Я предпочитаю довольствоваться тем лучшим, что в тебе есть и то, что мне дарит настоящее — минутами, проведенными с тобой. А чего-то ждать и тем более планировать...

— Тебя что, устраивает свобода? — не веря своим ушам, переспрашиваешь ты.

— Во всяком случае, пока не мешает...

— Не мешает исчезать на несколько месяцев? — в твоих словах появляются нотки ревности.

— Но ты же сам только что сказал: *Я недавно развелся и хочу отдохнуть*, — продолжаю, делая вид, что не расслышала подтекста.

— А ты?

— А мне отдыхать не от чего. Я итак всю жизнь отдыхаю.

— Ты что, не хочешь подумать о своём будущем? — возмущаешься ты окончательно. — Тебе нужна опора, семья, наконец!

— Думаю денно и ночью...

— А я... — в твой вопрос закрадывается недоверие, — я как-то вписываюсь в твоё будущее?

— А как это совместить со свободой и с тем большим выбором, который я предложила тебе?

— Я тоже могу тебе кое-что предложить, — говоришь ты решительно. — Завтра идем в гидропарк. А когда потеплеет — отправимся туда, где нас никто не знает, и ты погрузишься в весенние грёзы.

— А тебе не кажется, что нас нигде никто не знает?

Ты на минуту задумываешься. К сожалению, не над последней фразой...

— Слушай, — говоришь, как будто решаешься на отчаянный жест, — а давай уедем на несколько дней и проживем, наконец, все наши отношения. Мы всё равно их не избежим, — произносишь ты то ли обреченно, то ли облегченно, предчувствуя скорый конец.

— Так вот что происходило с твоими женщинами, с которыми ты отправлялся нежиться под лучами южного солнца! Ты расставался с ними на пике счастья! А после в аэропорту вы вздыхали ностальгически и благодарили друг друга за проведенные вместе дни?...

— Да! — тыходишь в азарт. — А то все эти тапочки, пижамы, ещё платочка недоставало и мужской слезы на плече у шофера, уносящего прочь от твоего дома...

— Так что — на том и порешили? — я настраиваюсь на радикальные отношения...

Ты медлишь, стоя на пороге:

— Я должен подумать. — Ты крадешь у меня классический женский ответ, которым я отмахиваюсь обычно от других. — По крайней мере, выбрать правильное направление. — Ты вспоминаешь о минном поле и о своих воинских обязанностях. — Ну, я пошел. — Ты бросаешь на меня ласковый скользкий взгляд, так чтобы не задеть зависший над минным полем вопрос в виде стоящей на пороге женщины в розовой пижаме, машущей отретированным платочком, и закрываешь за собой дверь.

Со стороны моей спальни.

ФОРТОЧКА

— Пейзаж... начинаешь ты осторожно.

— И это всё? — Я почти разочарована.

— Не перебивай... В нём ты...

Я удовлетворенно киваю.

— ...как сквозь воду смотришь на меня.

— Опять сплошная неопределенность!

— Но это всего лишь — сон...

— Но он же о чем-то говорит?

— О том, что ты ускользаешь, — отмечаешь задумчиво.

— Я? — моё возмущение готово перерасти в хроническую болезнь.

— Да. В моём сне ты всё время ускользаешь.

— Ещё бы. Если ты всё время открываешь для меня форточку — я на ходу вспоминаю одно из твоих сравнений — и превращаешь меня в глоток свежего воздуха...

— Ты все мои слова воспринимаешь буквально?

— Все.

— Тогда относись к ним легче.

— А как это?

Мой дурацкий вопрос неожиданно направляет разговор в поэтическое русло:

— Представь, например, что я — листок, который висит на дереве, предлагаешь ты.

Я тут же вспоминаю «Последний лист» О.Генри, нарисованный напротив окна больной девушки, поверившей в него как в знак жизни:

— Потрясающе! — я почти поражена.

— Да нет, не этот. — Ты морщишься, отмахиваясь от моей попытки найти глубину там, где её нет. — Простой кленовый листок, уносимый ветром. Относись ко мне, как к природному явлению.

— Хорошо, я попробую.

— И ты сможешь не привязаться к нему?

— Я много лет практиковала буддийскую непривязанность.

— А если ветер поменяется?

— Я закрою форточку.

— Какую форточку?

— Ту, которую ты выделил для меня в предыдущем рассказе — форточку для встреч.

Ты снова морщишься — такое решение тебя явно не устраивает:

— Если я останусь снаружи, придется рисовать пейзажи. А их столько развелось за последнее тысячелетие, что мне как мастеру просто стыдно идти таким проторенным путем...

— Зато, если ты останешься внутри, ты сможешь рисовать обнаженную натуру, или натюрморт, потому что натура, сидящая всё время взаперти, вряд ли долго протянет...

— А если тебе не понравится, как я тебя нарисую?

— А почему мне должно это нравиться? Разве могут нравиться тренажеру упражнения, которые на нём проделывают?

— Ну и сравнения у тебя! Ты можешь прямо ответить: ты согласна быть моей натурщицей?

— Пока ты по эту сторону стекла, — уточняю на всякий случай.

Ты задумываешься. Ты снова выбираешь.

Выбора не существует, — отвечаю я молчаливо.

Это восточный подход. А я сейчас на западе, — не раскрыв рта, возражаешь ты.

Запад есть запад. Восток есть восток.

И им никогда не сойтись...

Мда... Похоже, с Киплингом, как когда-то с Пастернаком, — это перебор.

— Смотри, я нашла решение, годное для востока и запада! — наконец произношу я вслух, а потом пытаюсь просунуть эту фразу в узкую форточку.

— Что ты делаешь? — Ты ещё не знаешь, как реагировать на происходящее, и кричишь первое пришедшее в голову: — Гринпис мне этого не простит!

— Дзэн! — смеюсь колокольчиково, нависая над карнизом. — Теперь я интерьер и экстерьер в одном лице! Можешь писать пейзажи, если я выживу, и натюрморты, если я разобьюсь!

Ты хватаешь меня за ноги:

— Да что же это такое! Я ведь просил тебя — не относиться серьезно к моим словам!

— Я просто хотела почувствовать — каково быть листиком, который в любую минуту можно унести ветром, — оправдываюсь, пока ты втаскиваешь меня обратно так настойчиво, что я даже не пытаюсь сопротивляться.

ДОМАШНИЙ ОЧАГ

Я сидела у камина и подбрасывала последние ветки в огонь. Когда дерево закончилось, я обернулась. Ты стоял перед начатой картиной.

— Что ты рисуешь? — поинтересовалась я.

— Пламя, которое ты зажгла.

— Но... разве ты не видишь? Оно гаснет...

— Правда? — удивился ты, не меняя позы. — Хорошо, что я успел сделать набросок...

— А пламени тебе не жаль?

Ты молчал. Пауза затянулась... Несмотря на свою вовлеченность в работу, ты наконец почувствовал это.

— У меня есть одна идея. Я, правда, не знаю, понравится ли она тебе... — ты прицеливаешься, готовясь нанести решающий мазок кисточкой, и в камине вспыхивает оранжевый мотылек маленькой надежды.

Я замираю. Нанеся на картину парочку вспышек, ты продолжаешь:

— Там, на полке — твои книги...

— Это остатки тиража, — я чувствую, как под ложечкой у меня образуется маленький шарик страха...

— Там одинаковые экземпляры...

— Действительно, — соглашаюсь и обреченно направляюсь к книжному шкафу.

Огонь жадно набрасывается на книги, пожирая беспомощные листки с отдельными стихами. На некоторое время это помогает. Но вскоре огонек опять уменьшается.

— Мои ресурсы заканчиваются, — ною я как можно жалобней.

— Не хочешь же ты, чтобы я растапливал камин своими шедеврами? — холодно возражаешь ты.

— Что ты? — обжигаюсь я об эту страшную мысль.

— И вообще, что за страсти средневековые? — говоришь спокойным почти терапевтическим голосом. — Тебе обязательно раздувать мировой пожар? Тлеющий огонек в домашнем очаге тебя уже не устраивает?

Я внимательно выслушиваю все три риторических вопроса. А потом тщательно и долго работаю над своими недостатками.

— Ну вот, теперь можно сделать паузу, — произносишь ты удовлетворенно. Оранжевая палитра исчерпана одновременно с огнем в камине. — А что, — ты останавливаешься перед моим безысходным выражением лица, — было бы лучше, если бы мы банально подбрасывали дрова в костер и следили за этим всю свою сознательную жизнь?

Я киваю противоречиво в знак несогласия: да, лучше. Я делаю это почти всегда, когда не вижу другого выхода. Ты садишься рядом и смотришь вместе со мной в одну сторону — тлеющие угольки последними остатками жизни слабо улыбаются нашему единодушию.

ПЕРСПЕКТИВА

— А знаешь, чего мне не хватает в твоих рассказах? — ты выдерживаешь многозначительную паузу...

— Ну? — не выдерживаю я.

— Перспективы. — Ты всем своим видом подтверждаешь важность этого понятия.

— Ладно, — говорю я и направляюсь к авиакассам — покупать билеты в Париж, чтобы перед работами Леонардо да Винчи в Лувре подслушать секрет перспективы.

— Нет, — говоришь ты, когда я возвращаюсь с обрывками знаний под мышкой. — Она появилась гораздо раньше, в период треченто, когда смирение ещё считалось добродетелью, забытой в эпоху Возрождения... — Ты умолкаешь: проводить со мной ликбез не входит в твои планы.

— А вообще-то, — тебя осенило внезапное открытие, — дело совсем в другом... Мне кажется, ты слишком себя ограничила. Мужчина и женщина — это всё, что есть в твоих историях?

— А что ещё? — удивляюсь совершенно искренне.

— Как что? — ты возмущаешься навстречу моей простоте. — А второй план? А другие персонажи? А перипетии? Скучно как-то...

— Ладно, — соглашаюсь я и снова еду в Париж, чтобы начать параллельный сюжет.

И тогда, в моё отсутствие ты ломишься в закрытые двери, и эхо разносит твои слова:

— Ну и коды у тебя в подъезде!

А мне срочно приходится вернуться, чтобы открыть тебе двери.

— Нет, я устал, — заявляешь ты прямо с порога. — С тобой слишком сложно. Нужно читать код да Винчи, гадать по звездам, подбирать упавшие слова... — Ты демонстративно валишься на пол и в знак протеста продолжаешь сидеть, облокотившись спиной к стене. — Мало того, что у меня проект на носу, работы по горло, так ещё и ты со своими замками... Давай будем проще...

— Ладно, а как это? — спрашиваю с готовностью.

— Пошли в постель, — ты по-деловому берешь меня за руку, сбрасывая на ходу куртку.

И я почти сдаюсь, но перед самым порогом почему-то превращаюсь в сосульку — двадцать градусов мороза за окном как никак.

— Кокон, — произносишь ты, попадая в интонацию моего снежного оцепенения.

— Выйти из кокона — значит преодолеть себя, — шепчу сквозь прозрачные стенки.

— Колба, — говоришь ты так же монотонно, но успеваешь подхватить меня на руки, когда я пытаюсь выскользнуть.

— Её можно разбить, — я искренне готовлюсь к жертве.

— Больно, — не меняя интонации, возражаешь вместо меня.

— Конечно. Отрываться от собственного эго всегда больно, — я делаю ещё одну попытку выскользнуть...

— А знаешь, чего мне не хватает в твоих историях? — заводишь ты старую песню.

— Ну? — я нетерпеливо замираю на твоих руках.

— И-ди-о-тиз-ма. — Ты произносишь это, сжимая меня в объятиях, и моя сосулька от страха начинает таять.

— Откуда столько воды? — Ты смотришь на свои мокрые руки удивленно и обрадованно — ты попал в родную стихию.

— Рыба, — напоминаю я. — Ты подарил мне рыбу вместе с детьми.

Ты бросаешь встревоженный взгляд в сторону своей картины. Действительно, рыба на ней куда-то исчезла. Ты безнадежно опускаешь руки. Вместе со мной. К этому моменту вода как раз доходит до уровня моего страха — и мне предоставляется возможность утонуть.

— А я умею нырять, — с детской хвастливостью произносишь ты и исчезаешь под водой.

Гордыня не позволяет мне позвать на помощь — и я погружаюсь вслед за тобой. И тогда, хватая ртом оставшийся воздух между водой и потолком, я прибегаю к последнему средству:

— Ладно, — цежу сквозь зубы, — я о тебе такое напишу... Всё вспомню: и как потоп наслал на мою спальню, и как утопить пытался!

— Что? — ты выныриваешь с испуганным выражением лица. — Ты хочешь запечатлеть всё это в своих бесконечных диалогах?

— Да! — кричу из последних сил. — Ещё и подарю тебе на день рождения!

— Хорошенький же ты способ нашла показать, какая я свинья, — ты снова уходишь с головой под воду, на этот раз — чтобы смыть краску смущения.

— А потом, — глотая остатки воздуха, не унимаюсь я, — напечатаю всё это в каком-нибудь многотиражном журнале...

— Эврика! — с криком выныриваешь ты и тут же бросаешься меня спасать. — Я знаю, для чего мы встретились!

Моя цель достигнута — я спасена, но для приличия спрашиваю:

— Для чего?

Ты начинаешь делиться своим планом быстрым шепотом:

— Мы откроем свой бизнес: я буду подбрасывать тебе сюжеты, а ты будешь писать...

— Какие сюжеты? — напрягаюсь, подозревая неладное.

— Ну, не знаю ещё... Буду вести себя вызывающе... В следующий раз, могу наслать пожар...

— А почему ты не можешь подарить мне сюжет, в котором герой будет вести себя прилично? — осторожно предлагаю один из вариантов.

— Скучно, — отрезаешь ты. — Да ты не бойся! — не то убокаиваешь, не то уговариваешь. — Ты, конечно, немножко пострадаешь, а потом, гляди — чего-нибудь хорошего и напишешь. Страдания — лучшая пища для творчества.

— И всё же, — настаиваю я, — почему ты не хочешь предложить мне сюжет с хэппи эндом?

— Жениться, что ли? — ты иронично улыбаешься. — Ты хотя бы хрюкать умеешь? — предлагаешь первый тест на совместимость.

— Умею, — я тут же демонстрирую один из театральных навыков.

Ты явно доволен. Но не останавливаешься на достигнутом:

— А как такой сюжет можно продать издательству? Слишком банально... Слишком поверхностно...

— Ну да, — подхватываю твою интонацию. — Нет контекста, параллельных историй, третьей силы, которая нависала бы, как античный Бог из машины...

— Какой-то женский роман, ей Богу...

— А я — кто, по-твоему? — В моём пристально-прозрачным взгляде явное становится ещё более явным. Но моя женщина

уже растворяется в твоей стихии. Она почти сливается с ней, наподобие сумерек, размывших подмоченные репутации комнатных персонажей, среди которых ты, предпринимающий последнюю попытку спасти меня:

— Знаешь, что меня ещё смущает? — ты поднимаешь меня над водой, как будто предоставляешь возможность зацепиться за незамутненное решение, в при котором я вполне могу дотянуться до люстры, но почему-то не делаю этого. — Меня смущает то, — твои руки начинают дрожать (пятьдесят три килограмма — это тебе не картины перетаскивать из угла в угол), — что тебя придется приковать цепями... К компьютеру, — добавляешь поспешно.

— Нет проблем, — улыбаюсь на чисто американском и сплетаю цепи, протянутые от компьютера к издательствам, в венки.

А потом пускаю их по твоей воде куда-то за пределы нашей комнаты.

Кажется, я совершаю обряд, — хватаюсь за последнюю проплывающую мысль...

ДВЕРИ И ДРЕВО

Я поняла, что ты сумасшедший, когда ты протянул стакан, наполненный свитками, исписанными мелким почерком. А я хотела лишь пить. Мы сидели в душной комнате, и когда я попыталась выйти наружу, чтобы найти источник, ты ответил:

— Пока всё не прочтешь, не получишь ни глотка. А если захочешь смыться, у меня есть для тебя крылья. Но помни: мы в небоскребе, а Богу противны самоубийцы.

— Зачем же ты держишь крылья, с которыми можно разбиться?

— Какие есть, — огрызнулся ты. На безптичьи и страус — птица.

Я неохотно развернула первый свиток.

— Читай, — насупился ты.

Я начала читать первый манускрипт, но вдруг заметила, что он сделан из папируса.

— Зачем ты используешь этот материал? Ты хочешь, чтобы твои тексты постигла судьба апокрифов?

— Читай, — твое лицо превратилось ещё в одну стену в этой комнате.

Я сжала в досаде свиток, и он прямо на глазах стал крошиться, превращаясь в пепел. Тогда я открыла окно — единственное в этой комнате — кстати, как я его не замечала раньше? — и, стараясь скрыть свое преступление, поспешно высыпала содержимое в воздух. Выражение твоего лица не изменилось. В нём не появилось ни одного просвета...

— Молодец, ничего не оставила, — выдавила стена.

— Но ты ведь хотел...

— То есть буквально из всего сделала Ничто — что в идеале и является высшим плодом любого творчества.

— Но...

— Я сказал — в Идеале.

Я бросилась к окну:

— Давай сюда свои крылья.

- Нет.
- Как — нет?
- А вот так. Я пошутил, — ты улыбнулся, и стена дала трещину. — А за то, что развеяла по ветру — спасибо. Чем больше голов мой пепел посыплет, тем больше людей страдающих будет.
- Но цель эволюции вовсе не заключается в страдании!
- ... а чем больше страдания, тем больше со-страдания. Тем больше сотворчества...
- Ты что, хочешь, чтобы все начали писать?
- Графоманы — не наркоманы.
- Зачем же столько графоманов? Природных ресурсов не хватит на бумагу.
- Бумагу давно заменили компьютеры.
- А графемы... Ты хочешь, чтобы вместо листьев на деревьях росли графемы?
- Графоманы растят графемы. Недурно, недурно...
- А калеки, у которых нет рук? Что напишут они?
- А руки для этого вообще необязательны. — Стена отвернулась, и показалась...
- Стой, а где здесь дверь? — смутный лучик догадки пробивался в моё сознание.
- А зачем тебе дверь?
- Между прочим, у меня ребенок дома. И никто его, кроме меня, не накормит.
- Не люблю детей. За ними нужно бегать, подбирать на дорогах, потом подбирать к ним соответствующие слова, а у меня сердце стучит без перебоев только вместе с метрономом. Я не могу каждый раз менять ритм...
- И что в таком случае делать моему Ребенку?
- Создай дверь и играй в неё со всей уверенностью. Для детей — это сущий пустяк.
- То есть...
- Ты что, совсем разучилась мыслить? — твой голос из-за стены показался раздраженным. — Подбери слова — и сотвори дверь. Это же так просто!
- Хорошо... Выход.
- Мало.
- Вход.
- Продолжай.

— Ногами вперед.
— Зачем же так трагично?
— А ты думаешь, если будешь меня держать взаперти без еды, я долго продержусь на своих пятидесяти трех килограммах?
— Если научишься пропускать через себя поток, никакие болезни не останутся в твоём теле.
— Да в нем вообще ничего не останется! Вот пишу тебе эти дурацкие Диалоги, а сама позавтракать не успеваю!
— Не отвлекайся. Ты лучше меня знаешь, что никакая пища материальная не насытит тебя так, как духовная.
— И это ты называешь духовностью — морить голодом мать и ребенка?
— Я ведь тебе не запрещаю есть. Только открой дверь и выйди.
— Ключ!
— Продолжай.
— Замок!
— Да ты не останавливайся. Здесь нужны не только слова, но и концентрация.
— Ты что из меня Бога задумал сделать?
— А почему бы и нет?
— Только помни: его семь дней — не наши, я не хочу тут в пепел превратиться, прежде чем материализую выход.
— Тогда — Богиню. Продолжай.
— Легко сказать.
— Вот оно! — твоя стена дает вторую трещину.
— Что?
— Легкость! Твоим словам не хватает легкости. Позволь им литься. Будь легче — и к тебе потянутся люди.
— Не знала, что ты пользуешься народными клише.
— Не отвлекайся.
— Вход. Выход. Ногами вперед. Ключ. Замок. Полный вперед.
— Не останавливайся!
— Но это же дурка!!! Агитка какая-то.
— Конечно. А как ты представляешь себе воспитание твоего родного ребенка, если своему внутреннему ты не позволяешь подурачиться? А сказки детские — ты хоть одну формулу или волшебное заклинание помнишь?
— Ну, абракадабра....

— Мд-а-а, плохи наши дела-а... Продолжай. И никаких упреков со стороны ума.

— Шаг. Шок. Сна поворот. Скрип. Пуск. Полный вперед!

— Вот и рефрен появился...

Ура! Твоя стена дает ещё одну трещину, и, наконец, осыпается, превращаясь в дверь.

— Прошу пожаловать, — ты становишься настолько любезным, насколько искренним.

Но едва я касаюсь тебя, чтобы открыть, как на месте двери вырастает дерево. Небоскребы исчезают. Остаются небо и земля, я и дерево. Я и свобода.

ТАНЦОРЫ

— Ты знаешь дорогу?

— Нет, а ты?

Мы проходили сквозь редкий лес. Под ногами шелестел сентябрь. Говорить не хотелось. Почему мы выбрали именно это место, где никто не мог помешать, где посреди тишины и уединения можно было испытать то, что называется единством? Почему выбрали и не воспользовались им, продлевая расстояние, удерживая его между в напряженном ожидании? Где-то слева прозвучал громкоговоритель. Значит, и машина была недалеко.

— Как чудесно мы отсюда выбрались.

— Это потому что я знал дорогу.

— А-а... — разочарованно протянула я. — А я-то думала, что нас вывела интуиция, которая помогла принять правильное решение. — Я не пыталась придать голосу многозначительность, зная, что итак услышана правильно.

Когда мы вышли на проезжую дорогу, и свет обнажил нас до мельчайших подробностей, я увидела на твоей футболке два листика, соединившихся каким то чудом. Они были маленькими и сухими и напоминали березовые, но трепетали по-осиному.

— Который час?

— Поздний.

Мы ускорили шаг. Я с опаской посматривала на дрожащие листики: они должны были вот-вот упасть, но из каких-то последних невидимых сил держались на футболке, обманувшей их своим нейтральным окрасом, вполне способным сойти за засохшую листву. Мне совсем не хотелось стать свидетелем их падения и когда мы подошли к машине, я осторожным движением потянула за тонкую паутинку. Листки покорно переместились на мою кисть и повисли на руке, которая так и застыла в бережном внимании к легкой ноше.

— Смотри, как природа соединяет две одинаковости.

— Да... — ты оторвался от дороги и коротко взглянул на два силуэта, подвешенных в воздухе. Наверное, в эту минуту ты думал мои мысли. Наверное.

— Вопрос только в том, как удержать их в таком состоянии...Вопрос о руке.

— Она может их выбросить.

Не веря своим ушам, я скосила на тебя недоверчивый взгляд:

— Нет, у неё не хватит мужества.

— Помочь?

Взгляд стал напряжённой.

— Тогда я предоставляю тебе это право, — я с замиранием сердца ожидала ответа.

— Не хочу.

Ты произнес эти слова без особой интонации, совсем просто, но от них в салоне распространился аромат легкости. Как будто почувствовав эту легкость, два существа на руке радостно затрепетали в воздухе.

— Осторожно! — мне вдруг показалось, что на повороте ты врежешься в машину, летящую сзади.

— Не бойся, мы на своей полосе... Хотя я знаю, что умру именно так.

— Откуда ты знаешь?

— Видел во сне.

— Не стоит верить снам. Они только предлагают возможные варианты.

— Они мне не так часто снятся, чтобы в них не верить.

— Тогда проживи этот сон понарошку. До того, как он сбудется.

— Как это?

— Есть одна техника...

Но тут листики тревожно затрепетали, требуя к себе внимания.

— Ой, они сейчас упадут!

— Интересно, чего ты боишься больше: падающей листвы или аварии?

— Иногда это одно и то же.

— Может быть, может быть... Ты погрузился в себя, а я— в трепещущие листки. Все это время они не затихали, вели свой невнятный диалог, останавливаясь лишь для того, чтобы поменять направление вращения. Какие пируэты они описывали вокруг своей оси, как поднимались на цыпочки, чтобы дотянуться друг до друга. А потом внезапно отстранялись, отлетали, оставляя пространство для новых отношений...

— Не правда ли — красивый танец? — Я поднесла к тебе руку, чтобы ты мог рассмотреть движения хрупких танцоров, не отрываясь от дороги. Ты посмотрел в мою сторону поверх листков:

— Знаешь, мне кажется, я люблю тебя... Просто годы, в течение которых я смотрел на мир сквозь придуманные призмы, не позволяют мне сейчас видеть ясно.

Танцоры замерли. Как будто у них перехватило дыхание. Или не хватило сил сделать следующие шаги. Воздух застыл, остановив мгновение. Боль, обжигающая тело весь день, переместилась в область сердца и разлилась там мягким теплом. Когда его сменил жар, свободная рука открыла окно. Танцоры проснулись. Их танец, подхваченный ворвавшимся ветром, стал поброуновски непредсказуемым. В нём не было направления, цели и окончания. В нём не было ничего, за что можно было бы зацепиться хотя бы взглядом и задержаться, почувствовав временную опору.

Мы приехали. Наступила пора завершать танец. На помощь поспешил зазвонивший телефон. Чтобы освободить мою руку, ты поспешил снять паутинку... Поспешил. Невидимая ниточка разорвалась — и листья упали на сиденье. На них было жалко смотреть — так безжизненно они выглядели, лишённые своих воздушных возможностей. Мы переглянулись. Наверное, мы подумали об одном и том же. Наверное.

МУСОР

Я сидела в комнате и перебирала мусор.

— Привет, — улыбнулась ты, заглядывая в окно.

Я едва подняла голову и молча кивнула.

— Что делаешь?

— Анализирую свои ошибки, — ответила я, не отрываясь от пола.

— А зачем их анализировать? Выбрось — и выбирайся ко мне на свободу! — ты светилась солнечным днем и переливалась всеми красками жизни.

Я подозрительно посмотрела на твоё тело, болтающееся в воздухе — где бы я могла наблюдать подобную картину? — И вспомнила Шагала.

— Я летать не умею, — угрюмо отчеканила я.

— Ну, тогда не летай. Иди по земле, а я буду фланировать и навевать, — и ты рассмеялась так беззаботно, что от тебя повеяло свежим бризом.

— Ароматическая новинка? — не прерывая занятия, поинтересовалась я.

— Да, — с нотками гордости прощebetала ты, — собственноручно смешивала запахи.

— И ты мне предлагаешь во время прогулки всё время смотреть на тебя снизу вверх?

— А я невысоко буду подниматься. Так, чтобы ты меня слышала.

— Ты хочешь сказать, что сможешь со мной поговорить... по-человечески?

— А почему бы и нет? Ну, если не хочешь, могу молчать, мне фиолетово. — Ты снова рассмеялась: тебе было хорошо в таком подвешенном состоянии.

— Нет уж, будем разговаривать. Только мне работу нужно закончить.

— Какую работу?

— Над собой!

— И давно ты так сидишь?

— С момента карантина.

— Ничего себе! Полгода, стало быть?

— Угу.

— А спина не затекает? — сочувственно спросила ты.

— Затекает. Я страдаю, — с гордостью призналась я. — Но у меня есть на неё управа.

— Да? И какая же?

— Я хожу в бассейн.

— Да ты что? — восхищенно воскликнула ты. — Вот молодец!.. А как же мусор?

— В смысле?

— Ну, работа же на месте стоит, пока ты в бассейне?

— Да, стоит. Но я научилась прощать себе эту маленькую слабость. Я же для дела хожу — не для удовольствия. Чтобы потом со спиной справиться!

— Понятно, — поспешила согласиться ты. И зачем-то добавила:

— А у меня ничего не болит.

— Как это?

— Ну, я же летаю всё время — и спине легко, — прощепетала ты, опускаясь на карниз.

— А сейчас зачем присела? — я пыталась поймать тебя с поличным.

— Соответствую.

— Так если хочешь соответствовать, давай, садись рядом, перебирай со мной, вдвоём будет быстрее, — произнесла я с надеждой.

— Не-е.... Не птичьё это дело — перебирать мусор. У меня это прислуга делает. И то — очень быстро.

— У каждого — свой ритм, — ответила я хмуро.

— Конечно.... Ну что, идешь или я полетела сама?

— Ты что, можешь оставить меня в таком состоянии?

— В каком это таком? У тебя рабочий процесс. Не хочу мешать.

— А, может, ты не мешаешь? Может, вдохновляешь?

— Неужели?

— Например, ты мне отличную идею подала: из этого мусора...

— ...с которым ты никак не хочешь расстаться...

— я изваяю... Тебя.

— Ой, не нужно меня из мусора. Пожалуйста, — ты молитвенно воздела крылышки к небу и театрально закатила глаза.

— Ну, не хочешь — не буду. Тогда какая от меня польза?

— Как это — польза?

— Чем особенным я обогащаю твою жизнь, что ты уже полчаса висишь у меня под окнами и наблюдаешь за моей работой?

— А я не наблюдаю вовсе. Просто так вишу. Пауза у меня.

— Какая ещё пауза?

— Да вот, закончила кое-что, вдохновилась результатом — и воспарила — летаю теперь в своё удовольствие.

— И что же ты закончила?

— Дом в историческом районе одной экзотической страны. Хочешь в гости?

— Неужели я похожа на выигравшую в лотерею?

— Нет, ты похожа на перебирающую выброшенные лотерейные билетки.

— Давай, смейся над бедным поэтом.

— Да какой же ты поэт? Поэты летают, в том числе и на самолётах, а ты вот сидишь, мусор перебираешь.

— Ну, хорошо. Не буду перебирать. Нарушу правило, которому меня всю жизнь учили: кончил дело — гуляй смело. Пойду с тобой развлекаться.

— Да сейчас никакие старые правила не работают! Квантовая реальность на дворе! Выгляни в окошко!

— Не буду я никуда выглядывать. Мне уже достаточно твоей подвешенной перед моим окном особы.

— Да мне, собственно, всё равно, не выглядывай, сиди себе, откнувшись в пол глазами, жалуйся на потерю зрения, если тебе это удовольствие доставляет.

— Ну, если честно, то удовольствия мало.

— Тогда зачем? Хочешь, чтобы тебя пожалели?

— А ты можешь?

— Я всё могу. Только мусор от этого не уменьшится.

— Ну ладно, отложу это занятие... на время.

— Да! Начни с малого. Отложи на один вечер! Снеси его в кучку. В конце концов, если он так тебе дорог, вот смотри, ещё уголок свободный в комнате есть.

— Пожалуй, так и сделаю, хотя ты и иронизируешь.

— Да нет. Я уважаю увлечения друзей.

— Какое же это увлечение?

— Ой, прости, я и забыла: это ведь твоя работа, — голос твой звучал так обворожительно, что придаться было не к чему.

— Так, хватит. Откладываю. Не уверена, правда, что от этого что-то изменится.

— Ничего не изменится, если вернешься и начнешь снова перебирать.

— Перестань... Куда пойдём?

— Не пойдём, а полетим. К Пантеону, например.

— Я тебе уже говорила, что летать не умею.

— Ну, хорошо, иди, а я буду рядом лететь.

— Да я и ходить скоро разучусь. Забыла даже, как к Пантеону добираться.

— А зря. Может ещё пригодится, когда душа попросится с телом.

— Напрасно издеваешься. У себя на родине я была достаточно знаменитой.

— А что тебе мешает быть знаменитой здесь?

— Я мешаю. Неужели непонятно?

— Мне-то понятно: уже полчаса смотрю на твою позу руденовского мыслителя.

— Я даже от прогулок отвыкла, понимаешь? Тем более — от полётов. Да ещё с тобой рядом. Ты же вон как летаешь!

— Ну, если ты так боишься, что я далеко улечу, возьми меня на поводок, если конечно тебе позволит совесть абсолютно свободного человека, да и к тому же, изысканно одетого, привязывать к таким низким вибрациям. Ты ведь меня знаешь: эго во мне никакого, могу ради комфорта близкого и роль домашнего питомца сыграть.

Тут только я обратила внимание, что на тебе шикарное вечернее платье с декольте.

— А как это ты в таком виде... летаешь? — искренне возмутилась я.

— А чем тебе не нравится мой вид? — ты стала вертеться в воздухе, предоставляя мне возможность рассмотреть тебя со всех сторон.

— Наоборот — очень нравится. Но это же опасно!

— Для людей? — искренне удивилась ты.

— Для тебя! Ты что, не понимаешь? На тебя же начнут на улице бросаться! Как же ты защитишься? Ты же убежать не сможешь на таких каблуках!

— А зачем мне убежать? Я же летаю! В случае чего, ещё выше поднимусь.

— Ты что, всё время летаешь?

— Сейчас — да.

— И не приземляешься?

— Мясо нужно для приземления. Давай пойдем в ресторан и закажем мясо?

— Снова меня приглашаешь?

— Ну да.

— А за что?

— Как это — за что?

— Ну, за какие мои качества?

— Ни за какие. Просто хочу провести с тобой время в приятной обстановке.

— Ладно, спасибо. Сейчас соберусь — и пойдем.

— А сколько тебе времени нужно?

— Не знаю, возможно, пару дней, а может и пару месяцев.

— Зачем же так много?

— Хочу предстать перед тобой в своём лучшем виде.

— Да ты итак посветлела, с тех пор, как от своего мусора немного оторвалась. Ты что, думаешь, я тут смогу зависать перед твоим окном пару месяцев и ждать, когда ты приоденешься и наклеишься?

— Ой, прости, забыла тебя в комнату пригласить.

— Нет уж: два месяца в мусоре....

— Так я ради тебя и мусор вынесу!

— А ради себя ты не хочешь это сделать?

— Нет, ради себя не могу.

— Почему?

— Вдруг для стихов пригодится?

— Для стихов???

— Ну да. Я вот перебираю старое — и выбираю лучшее. Избранное готовлю.

— Избранное из мусора?!

— Ну не совсем из мусора — из эмоций, которые он рождает.

— И что, стоящие эмоции? — ты набросила на лицо серьёзное выражение.

— С моей точки зрения — да.

— Страндания, небось?

— Ага.

— И много?

— Ещё бы. Не зря в юности я равнялась на Зою Космодемьянскую и спрашивала себя, смогла бы я вынести пытки и не сдаться.

— Теперь понятно, почему ты так часто в больницы попадала и у тебя столько шрамов на теле.

— Спасибо, кстати, за ромашки. Тогда, перед операцией. Они на себя очень многое взяли.

— Пожалуйста. *Я и крестиком вышивать*, между прочим, умею. И свою первую книгу, кстати, выпустила.

— Да ты что? Поздравляю! Знаешь, ты четвертый или пятый человек, который начинает писать, пообщавшись со мной...

— Хм... Вообще-то я её написала после встречи с одной женщиной....

— Ой, прости, пожалуйста. Но ты хотя бы на моём примере поняла, что нужно воплощать свой талант?

Ты деликатно промолчала.

— Ну ладно, не буду тешить себя надеждами: вдохновила тебя не я.

— А чего это ты сразу погрустнела? Вдохновлять любишь?

— Люблю. Вообще, люблю быть полезной. Когда-то я была источником вдохновенья для многих. Музой. Мне посвящали стихи и картины. Я даже умела делиться с людьми счастьем, представляешь? Бывший муж смеялся: чего это они к тебе все непрерывно ходят и часами сидят на кухне? Пора уже деньги брать.

— Мда... Могла бы бизнес открыть. Нормальным человеком стать. Или хотя бы психотерапевтом.

— Так я чуть и не стала! Три года на гештальтиста училась.

— И что, пригодилось?

— Да... Для близких.

— Слушай, а зачем тебе быть полезной? Просто будь — и этого достаточно. А если ещё и научишься висеть вместе со мной..... — Ты прямо в воздухе элегантно закинула ногу на ногу, ничуть не нарушив равновесия. — Никакой мусор тебе не помеха.

— Да что ты пристала ко мне со своим мусором?

— Прошу не перекладывать ответственность на мои чистые руки. Мусор — твой. Мне чужого не нужно.

— Снова издеваешься?

— Просто хочу, чтобы ты поняла, сколько прекрасного ты можешь сделать, когда у тебя руки освободятся! И даже сотворить собственную реальность на освободившемся месте. Стоит только вынести мусор из избы...

— Ладно. Вот, смотри, — и я демонстративно выбрасываю мусор в окно.

— Молодец! — ты хлопаешь в ладоши. — Могла бы, конечно, подумать о прохожих, но тебе не до них, понимаю. — Ты умеешь выбирать интонации, на которые невозможно обидеться.

— Теперь ты мной довольна? — с видом человека, пожертвовавшего самым дорогим, спрашиваю я.

— О да! Такое отречение от прошлого! Такая сила воли! Ну что, теперь летим?

— Начнем с малого: идем.